

- Lickona T. Research on Piaget's theory of moral development // Moral development and behaviour. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1976. P. 219–240.
- Tapp J. Legal socialization across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N. Y., 1987 (print).
- Tapp J. L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice // Law, justice and the individual in society. N. Y.: Holt, Rinehart, and Winston, 1977. P. 89–105.
- Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. № 405. P. 203–209.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МОРАЛЬ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОСТИ

О. А. Гулевич

Проблема морального сознания вызывает интерес психологов на протяжении последних 80 лет. Одним из основных спорных вопросов является его содержание. В общем виде в состав морального сознания включают совокупность регулирующих отношения между людьми норм (требований и запретов), соблюдение и нарушение которых рассматривается в терминах «хорошо–плохо», «добро–зло». Некоторые исследователи считают, что ключевыми элементами морального сознания являются требования справедливости.

Понятие справедливости занимает важное место во многих культурах. Первое представление о ее сущности, формах и роли в обществе возникло в недрах социальной философии. На протяжении многих веков философы рассматривали справедливость как основной принцип, лежащий в основе идеального общественного устройства, обеспечивающий кооперацию между людьми и, как следствие, выживание человечества. Исполнение ее требований считалось одной из человеческих добродетелей, ведущих к совершению «хороших» и предотвращению «плохих» поступков.

Впервые идея тесной связи справедливости с моральным сознанием прозвучала в работах древнегреческих философов. Со временем реализация принципов справедливости стала рассматриваться с точки зрения полезности, возможности удовлетворения различных потребностей. Однако в обыденном сознании «справедливость» по-прежнему тесно ассоциируется с должным, правильным. Это подметил еще Л. Колберг – основатель одной из наиболее известных в настоящее время теорий морального развития, который внес это понятие в число основных ценностей, лежащих в основе морального сознания.

Возникает вопрос: что именно люди понимают под справедливостью и почему они следуют ее требованиям? Ответ на него дают сторонники социально-психологического подхода к изучению этого явления.

Обыденное понимание справедливости

В современной психологии справедливость рассматривают как один из основных критериев оценки социального взаимодействия, оказывающий влияние на аттитюды и поведение участников. По мнению большинства исследователей, восприятие справедливости складывается из соблюдения ряда социальных норм, функционирующих в рамках социальной группы, и затрагивающих как процесс общения (информационная, процедурная, межличностная справедливость), так и его результат (дистрибутивная справедливость). Первое представление о них появилось в работах по социальной философии, однако психологические исследования позволили существенно расширить его.

В частности, сегодня в состав дистрибутивной справедливости включают шесть основных норм.

- 1 В соответствии с нормой беспристрастности, вознаграждение и наказание человека определяются его вкладом во взаимодействие. Справедливым считается получение большего вознаграждения тем, кто проделал большую работу, оказал большую помощь и получил лучший результат. В то же время более серьезного наказания достоин человек, нанесший окружающим больший ущерб.
- 2 Согласно норме распределения по усилиям, размер вознаграждения и наказания определяется усилиями, которые человек приложил при совершении поступка, например, затраченным временем, объемом проанализированной информации и т. д. Справедливым считается такое распределение, при котором большее вознаграждение получает тот, кто приложил большие усилия при совершении социально желательного поступка, а большее наказание – тот, кто сделал это при совершении социально нежелательного.
- 3 В соответствии с нормой распределения по способностям (возможностям) справедливым считается взаимодействие, в ходе которого более способный человек получает за позитивный по-

ступок большее вознаграждение, а за негативный – большее наказание, чем менее способный.

- 4 Согласно норме распределения в соответствии с позитивностью личности, справедливым считается большее вознаграждение хорошего человека и – наказание плохого.
- 5 Согласно норме распределения по потребностям, справедливым является большее вознаграждение и наказание тех участников взаимодействия, которые больше других нуждаются в них.
- 6 И наконец, в соответствии с нормой равенства, справедливым считается равномерное распределение вознаграждения и наказания между всеми участниками взаимодействия.

Некоторые психологи разделяют нормы дистрибутивной справедливости по степени, в которой они учитывают вклад человека в конкретное взаимодействие. К числу так называемых «дифференцирующих» относятся нормы беспристрастности, распределения по усилиям и способностям. Их применение позволяет учесть результат, достигнутый человеком в ходе текущего общения. Связь между этими нормами особенно хорошо заметна у российских респондентов, которые одновременно ассоциируют распределение по вкладу с беспристрастностью, усилиями и способностями (Макдональд, 2011). «Недифференцирующие» нормы предполагают распределение вознаграждения и наказания на основе психологических характеристик участников взаимодействия. К их числу относятся равенство, распределение по потребностям и позитивности.

Существование двух разных принципов распределения ресурсов ставит вопрос об их взаимодействии между собой. Некоторые исследователи считают, что при отсутствии противоречия между требованиями разных норм происходит их взаимное усиление, тогда как при наличии противоречия человек вынужден выбрать одну из них или найти компромиссный вариант их совмещения (Adams, Freedman, 1976; Leventhal, 1976).

Нормы дистрибутивной справедливости играют важную роль в самых разных отношениях: от родственных и дружеских до экономических, правовых и политических. Однако, оценивая справедливость взаимодействия, люди принимают во внимание не только результат, но и процесс его получения, т. е. информационную, процедурную и межличностную справедливость.

Информационная справедливость определяется осведомленностью участников о процедуре распределения ресурсов. Она свя-

зана с первым этапом взаимодействия, на котором его участники получают информацию о «правилах игры». В ее состав входит пять основных норм (Colquitt, 2001).

- 1 Следуя норме честности, люди считают справедливым то взаимодействие, в ходе которого им честно описывают процедуру принятия решения и возможные исходы.
- 2 Согласно норме ясности информации, справедливым является взаимодействие, участники которого получают понятные объяснения.
- 3 Ориентируясь на норму полноты информации, люди считают справедливым общение, в ходе которого они получают исчерпывающие объяснения.
- 4 В соответствии с нормой своевременности информации, справедливым считается то взаимодействие, участники которого получают разъяснения заблаговременно.
- 5 И наконец, согласно норме индивидуальности, общение считается справедливым, если при объяснении во внимание принимаются индивидуальные характеристики участников.

Процедурная справедливость затрагивает процесс сбора информации и оценки участников общения. Руководствуясь образующими ее нормами, люди выбирают процедуру взаимодействия и принимают окончательное решение. Основной интерес к этому аспекту справедливости пробудили работы Дж.Тибо, Л. Уолкера и Г. Левенстадля. В целом, оценивая справедливость общения, люди ориентируются на шесть основных норм (Colquitt, 2001; Lind, Tyler, 1988; Thibaut, Walker, 1975).

- 1 Согласно норме точности и полноты информации, справедливой считается та процедура, которая дает возможность собрать точную и полную информацию об участниках взаимодействия.
- 2 Следуя норме контроля за результатом, люди считают справедливой ту процедуру, участники которой имеют возможность повлиять на исход, в том числе на решение, принятое «третьей стороной». Согласно норме контроля за процессом, люди дают более высокую оценку той процедуре, в рамках которой все заинтересованные стороны имеют возможность высказать свое мнение.
- 3 Руководствуясь нормой коррекции, люди воспринимают как более справедливую ту процедуру, которая дает возможность изме-

нять неправильные решения, например, подавать на них апелляцию.

- 4 В соответствии с нормой однообразия, процедура воспринимается как справедливая, если она может быть использована в разных ситуациях для разных участников.
- 5 Следуя норме нейтрализации предубеждений, люди считают более справедливой ту процедуру, при которой принятое решение не зависит от имеющихся у «третьей стороны» (судьи, арбитра) предубеждений.
- 6 В соответствии с нормой этичности, более справедливой считается та процедура, которая соответствует существующим в обществе этическим нормам.

Последним компонентом является **межличностная справедливость**, которая регулирует отношение к участникам взаимодействия. К ней относятся две основные нормы (Bies, 1987).

- 1 Согласно норме вежливости, взаимодействие считается справедливым, если с его участниками обращаются вежливо и не допускают грубых замечаний в их адрес.
- 2 В соответствии с нормой уважения, взаимодействие рассматривается как справедливое, если к его участникам относятся с уважением, позволяя им сохранить чувство собственного достоинства.

В целом, при изучении процессуальных компонентов справедливости психологи полагают, что их содержание не противоречит друг другу, что говорит о возможности одновременной реализации разных норм.

Восприятие справедливости результата и процесса взаимодействия тесно связаны между собой. В частности, оценка соблюдения каждого из четырех компонентов справедливости оказывает влияние на общую оценку справедливости взаимодействия, которая, в свою очередь, определяет состояние и поведение участников (Colquitt, 2001; Colquitt et.al., 2001). Как следствие, одновременное соблюдение или нарушение нескольких компонентов справедливости оказывает большее влияние на участников, чем только одного из них. При этом роль отдельных компонентов особенно хорошо заметна при нарушении других или при отсутствии информации об их соблюдении.

Почему люди следят за соблюдением справедливости? Какие цели они преследуют? Ответ на этот вопрос дают авторы созданных к настоящему времени психологических моделей.

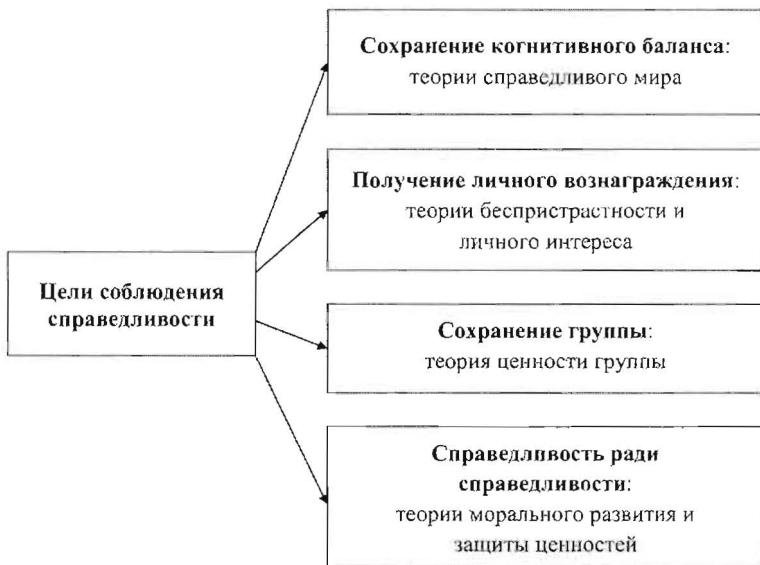

Рис. 1. Психологические объяснения стремления к справедливости

Цели соблюдения справедливости

Вопрос о целях соблюдения справедливости был впервые поставлен в рамках социальной философии. Описывая справедливое государство, ее представители руководствовались определенными представлениями об основных целях человеческой деятельности, полагая, что, следуя нормам справедливости, люди могут достигнуть их. Развиваясь на протяжении столетий, философские теории сыграли важную роль в создании общего культурного и научного контекста. Благодаря этому, они оказали некоторое влияние на психологические концепции (рисунок 1).

Справедливость как средство сохранения когнитивного баланса

Первый подход к изучению справедливости зародился в недрах когнитивного подхода в психологии, ярким представителем которого является теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера. Его сторонники полагают, что любой человек обладает когнитивной системой и стремится к удовлетворению так называемых когнитивных потребностей – потребностей в понимании, предсказуемости и контроле. Ощущение того, что мир понятен, предсказуем и по-

этому находится под его контролем, позволяет человеку сохранить психологическое благополучие – уменьшить негативные эмоции и обрести уверенность в себе. Чтобы добиться такого результата, человек ведет себя или интерпретирует информацию о взаимодействии таким образом, чтобы его можно было считать справедливым.

Эта идея отражена в **теории справедливого мира**, автором которой является М. Лернер. По его мнению, люди верят в то, что любое полученное участником взаимодействия вознаграждение или наказание, является заслуженным, т. е. справедливым. Речь в данном случае идет прежде всего о дифференцирующих нормах справедливости и распределении по позитивности.

Вера в справедливый мир создает у ее носителей своеобразные ожидания, сквозь призму которых они оценивают текущее взаимодействие. Человек, уверенный в том, что мир справедлив, дает высокую оценку текущему общению. Она предубеждает анализ информации и отражается на восприятии участников. В частности, чем больше люди верят в справедливый мир, тем более позитивно они оценивают взаимодействие (Dalbert, Fiske, 2007), тем лучше относятся к успешным, удачливым и красивым людям и хуже к – неуспешным, неудачливым и некрасивым (Callan, Ellard, Nicol, 2006).

Вера в справедливый мир защищает людей от негативных переживаний. Сталкиваясь с новой задачей, они испытывают меньший стресс, реагируют на нее как на приключение, а не угрозу и лучше решают ее (Tomaka, Blascovich, 1994). Попадая в неприятную ситуацию, например, будучи арестованными за совершение преступления или став жертвами смертельного заболевания, они демонстрируют большее психологическое благополучие (Dalbert, Fiske, 2007; Park et al., 2008).

Любая информация, которая не соответствует вере в справедливый мир, является для человека источником негативных эмоций, в первую очередь тревоги и гнева (Hafer, 2000; VanZomeren, Lodewijk, 2009). Стремясь избежать их, человек активно защищает свои убеждения, ищет ту информацию, которая подчеркивает справедливость взаимодействия, и придает ей большое значение.

Степень влияния веры в справедливый мир во многом зависит от типа события и ответственности ее носителя. В частности, люди переоценивают пострадавшего человека, когда они обладают свободой интерпретации, например, когда причину неудачи нельзя однозначно определить как внутреннюю или внешнюю, а подобные события происходят достаточно редко (Lowe, Medway, 1976). Кроме

того, к очернению жертвы больше склонны те, кто является причиной ее страданий, несет за них ответственность (Cialdini, Kenrick, Hoering, 1976) или похож на подлинного виновника (Bal, VanDen-Bos, 2010). Совершение подобных действий, понижает самооценку виновника, а очернение служит средством ее восстановления.

Конечно, за полувековую историю существования теория справедливого мира претерпела некоторые изменения.

Во-первых, серьезной критике подверглась идея Лернера об универсальности веры в справедливый мир. Оказалось, что она чаще встречается у людей, которые нуждаются в оправдании своих представлений, положения, действий, а также в ощущении контроля за происходящим (Calhoun et al., 1998; Connors, Heaven, 1987; Furnham, 1993; Glennon, Joseph, Hunter, 1993; Hafer, 2000; Murphy-Berman, Berman, 1991). В частности, она отличает авторитарных людей, сторонников «правых» партий и движений, членов высокостатусных социальных групп и представителей культур с большойластной дистанцией. Все эти люди уважают власть и стремятся сохранить существующую систему социальных отношений. Вера в то, что униженное положение представителей некоторых групп является заслуженным, помогает им оправдать собственные убеждения и действия. Кроме того, в справедливость мира больше верят религиозные люди, те, кто имеют внутренний локус контроля, ставят долгосрочные цели и планируют достигнуть их справедливым путем. Эта вера позволяет им сохранить ощущение контроля над своей жизнью. Поэтому современные сторонники теории говорят о том, что люди различаются по степени веры в справедливый мир. Как следствие, интенсивность описанных выше процессов – формирования ожиданий, возникновения негативных эмоций и переоценки людей – зависит от ее выраженности.

Во-вторых, некоторые сомнения вызвала однородность веры в справедливый мир. Лернер полагал, что она является однородным образованием и затрагивает прежде всего дистрибутивную справедливость в отношении окружающих людей. Однако тесная связь веры в справедливый мир с психологическим благополучием ее носителя и рост интереса к процессу взаимодействия заставил некоторых исследователей пересмотреть свой взгляд на ее структуру. В настоящее время выделяют шесть основных аспектов веры в справедливый мир, которые различаются по трем основным критериям.

- 1 Кто является объектом справедливости – Я или окружающие люди? Это разделение связано с серьезностью и характером по-

следствий. Прежде всего, вера в справедливость мира по отношению к себе оказывает большее влияние на психологическое благополучие человека, чем подобные убеждения в отношении других (Lucas, Goold, 2008). Кроме того, в некоторых случаях вера в справедливость по отношению к себе вызывает принципиально иные последствия, чем – в справедливость в отношении к окружающим. Так, люди выше оценивают возможность достижения поставленных целей и меньше склонны к деликтному поведению, если верят, что мир справедлив по отношению к ним, но несправедлив – к другим людям (Sutton, Winkard, 2007).

- 2 Какой аспект принимается во внимание – справедливость результата или процесса? Например, вера в процедурную справедливость лучше предсказывает психологическое благополучие человека, чем вера в дистрибутивную. Именно она уменьшает жалобы на здоровье и оказывает влияние на поведение в этой области (Lucas et al., 2008; Lucas, Goold, 2008).
- 3 В какую справедливость верят люди – имманентную или окончательную. В первом случае речь идет о текущей справедливости мира, а во втором об итоговой. Они формируются при разных условиях семейного воспитания и вызывают разные последствия. Если вера в окончательную справедливость повышает психологическое благополучие, радость от профессиональной деятельности и оценку сплоченности группы, то вера в имманентную вызывает противоположные последствия (Maes, Kals, 2002). Возможно, в первом случае человек надеется на лучшее, а во втором внимательно оценивает свое положение и приходит к неутешительному выводу о собственном несовершенстве.

Однако изменения, произошедшие в теории справедливого мира, не затронули основную идею этой концепции. Современные исследователи по-прежнему признают, что вера в справедливый мир оказывает влияние на оценку справедливости текущего взаимодействия.

Справедливость как средство получения личного вознаграждения

Сторонники второго психологического подхода к изучению справедливости полагают, что соблюдение ее требований является средством, позволяющим человеку получить личное вознаграждение. Эта идея возникла в рамках либеральных философских теорий, получивших распространение в Европе Нового времени. Их сторонники считали, что каждый человек стремится к достижению лич-

ных целей (принцип личного интереса), но в целом ряде случаев это становится возможным лишь при наличии кооперации между людьми (принцип кооперации). На этом фоне нормы справедливости рассматривались в качестве основного регулятора общественных отношений, обеспечивающих взаимовыгодное общение граждан.

Психологическим источником подобного понимания справедливости стали необихевиоральные теории (Дж. Хоманс, Дж. Тибо и Г. Келли), авторы которых полагали, что, вступая во взаимодействие, человек стремится получить вознаграждение и избежать наказания. Оценивая вероятный результат, он тщательно анализирует информацию о текущем общении и привлекает прошлый опыт. Взаимодействие продолжается до тех пор, пока его участники полагают, что добились своей цели или могут сделать это в будущем. Однако, поскольку любое общение предполагает взаимозависимость участников, для его продолжения люди нуждаются в согласовании интересов. Способом такого согласования является соблюдение норм справедливости.

Именно эти идеи были реализованы в первых теориях, объясняющих роль справедливости в социальном взаимодействии – теории беспристрастности (справедливость результата) и личного интереса (справедливость процесса).

У истоков теории беспристрастности стояли Дж. Адамс (Adams, Freedman, 1976), И. Уолстер (Walster, Berscheid, Walster, 1976) и Г. Левенталь (Leventhal, 1976).

Они полагали, что, вступая в социальное взаимодействие, каждый участник стремится получить максимально позитивный исход, определяющийся различием между издержками (временем, затраченными усилиями и т. д.) и вознаграждением. Если вознаграждение сопоставимо с издержками, исход равен нулю. Когда вознаграждение превышает издержки, он положителен, а когда оно меньше издержек – отрицателен. Эгоистическая ориентация порождает конфликт, результатом которого становится рост издержек и уменьшение общегруппового вознаграждения. Как следствие, исходы каждого участника становятся все хуже и хуже, что в конечном итоге разрушает взаимодействие и блокирует получение вознаграждения в дальнейшем. Для предотвращения подобного исхода люди вырабатывают нормы, соблюдение которых позволяет им избежать затяжного конфликта и тем самым уменьшает издержки и увеличивает вознаграждение. Основную роль в этом процессе играет справедливость.

Основной нормой справедливости Дж. Адамс и его сторонники считали беспристрастность. В соответствии с ней, взаимодействие рассматривается как справедливое, если исход, т. е. разница между издержками и вознаграждением одного участника, равна исходу другого. При этом речь идет не об объективном равенстве исходов, а о его восприятии участниками. Человек, который распределяет вознаграждение, объект его действий и сторонний наблюдатель могут давать разную оценку одному и тому же исходу. Это происходит, благодаря различию в оценке:

- своих и чужих издержек (люди преувеличивают размер и важность своих издержек по сравнению с издержками партнера);
- подкрепления (разные участники взаимодействия придают разное значение одному и тому же подкреплению);
- несправедливости (некоторые люди считают несправедливым минимальное несоответствие исходов, а другие обращают внимание лишь на серьезные расхождения);
- элементов взаимодействия (разные люди могут рассматривать один и тот же элемент взаимодействия с разных точек зрения).

Благодаря этим различиям, все без исключения участники взаимодействия могут считать себя либо выигравшими, получившими большее вознаграждение, чем предполагает норма беспристрастности, либо проигравшими.

Возникнув в 1960-х годах, теория справедливости как беспристрастности сохранила лидирующее положение при изучении дистрибутивной справедливости. Тем не менее в ней игнорируется справедливость процесса вынесения решения.

Эта проблема затрагивается в теории личного интереса, сформулированной Дж. Тибо и Л. Уолкером. Они полагали, что, вступая во взаимодействие, человек стремится получить максимальное индивидуальное вознаграждение при минимальных издержках. Не имея возможности достичь этой цели немедленно, он обращается к процедуре общения, которая гарантирует ему позитивный исход в будущем (Lind, Tyler, 1988).

Следовательно, оценивая взаимодействие и выбирая способ реакции, человек в первую очередь обращает внимание на позитивность исхода (Baugetal., 1998). Так, выбирая норму справедливости, человек отдает предпочтение той, соблюдение которой даст ему возможность получить максимальное вознаграждение (Van Beest, Van Dijk, 2007). Кроме того, участник, получивший благоприятный

результат, т. е. достигший своей цели, считает его (Greenberg, 1987) и процесс взаимодействия более справедливыми, чем тот, кто не получил вознаграждения или был наказан (Stahl, VanProoijen, Vermunt, 2004).

Лишь в том случае, когда участник не может однозначно оценить полученный результат, он обращает внимание на процедуру взаимодействия: работа в рамках справедливой процедуры повышает оценку незначительного или неблагоприятного исхода. Таким образом, процедура является «вторичным» фактором и выполняет в общении второстепенную роль.

Несмотря на некоторые различия, обе теории «индивидуального вознаграждения» имеют общие особенности. Их сторонники рассматривают оценку справедливости взаимодействия как результат рационального суждения, сделанного эгоистичным человеком, стремящимся достичь личных целей.

Основное ограничение подобных теорий связано с тем, что в целом ряде случаев человек готов пожертвовать собственными интересами ради блага других людей. Это происходит, поскольку он является социальным существом, т. е. зависит от группы и стремится стать ее частью. Эта идея отражена в третьем подходе к изучению справедливости.

Справедливость как средство сохранения группы

Идея о том, что справедливость является средством сохранения общества, зародилась в древнегреческой философии, была воспринята римлянами и впоследствии проникла в Западную Европу. В Новое время она была вытеснена либеральным подходом, однако в XX в. возродилась в концепциях коммунитариев. В основе коммунитарного подхода лежит идея о роли, которую справедливость играет в сохранении общества. Его сторонники считают, что личность имеет социальную природу, поэтому человек стремится не к индивидуальному, а к общему благу. Это означает, что стабильность, сохранение общественных связей, безопасность являются гораздо более важными ценностями, чем личная автономия. В этом смысле справедливость является средством поддержания групповой гармонии.

Идея о «групповой» сущности справедливости воплотилась в теории ценности группы, предложенной И. Линд и Т. Тайлером (Lind, Tyler, 1988). Они полагали, что одной из важнейших человеческих потребностей является потребность в аффилиации, т. е. принадлежности к группе. Вступая во взаимодействие, люди стремятся сохра-

нить группу и добиться высокого статуса. Ради этого они готовы пожертвовать собственными интересами.

Для достижения этой цели они используют определенную процедуру принятия решений и тщательно следят за ее соблюдением. Справедливость взаимодействия является для каждого члена группы источником информации о своем социальном положении (Peterson, 1999), показателем симпатии и уважения со стороны одногруппников, высокого статуса в ней (Lind, Tyler, Huo, 1997; Shapiro, Brett, 1993; Tyler, Degoev, Smith, 1996). Ощущая социальную поддержку, люди испытывают гордость и не хотят покидать группу, что в конечном итоге сохраняет ее целостность (Tyler, Degoev, Smith, 1996; VandenBos, Vermunt, Wilke, 1996).

Вынося решение о справедливости процесса, люди ориентируются на ценности группы: наиболее справедливой признается та процедура, которая соответствует основным групповым ценностям. Это означает, что члены разных групп по-разному воспринимают одно и то же взаимодействие, дают ему разную оценку. Это прежде всего касается тех людей, которые общаются с членами ингруппы и зависят от ее представителей (Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002). Исключение составляют компоненты, соответствующие универсальным ценностям – гарантирующие возможность принять участие в групповой деятельности, повысить социальный статус, «сохранить лицо».

Благодаря признанию социальности человека, теория ценности группы долгое время конкурировала с теорией личного интереса. Этот антагонизм проявился прежде всего в том, как сторонники разных теорий объясняли важность одних и тех же норм процедурной справедливости, прежде всего права голоса и однообразия. Например, по мнению психологов, работающих в рамках модели личного интереса, человек ценит право голоса, поскольку благодаря этому он получает возможность достичь своей цели. В то же время, в соответствии с моделью групповых ценностей, соблюдение этой нормы дает людям возможность почувствовать свою значимость и позволяет сохранить целостность группы (McFarlin, Sweeney, 1996; Miller, 1989; Shapiro, Brett, 1993). Аналогично, однообразие процедуры можно рассматривать как способ достижения личных целей (модель личного интереса) и как реализацию одной из важных групповых ценностей (модель групповых ценностей) (Ployhart, Ryan, 1998).

Каким образом разрешается этот спор в настоящее время?

В соответствии с одной точкой зрения, следуя нормам справедливости процесса, разные люди стремятся к достижению разных

целей. Одни хотят получить индивидуальное вознаграждение, а другие – занять определенное положение в группе (Heuer et al., 2002).

Сторонники другой позиции полагают, что дистрибутивная справедливость является средством достижения личных целей, а процедурная и межличностная – включения в группу и повышения статуса. Так, люди, которые ценят индивидуальные достижения и власть, чаще следят за соблюдением дистрибутивной, а благополучие людей и природы – процедурной справедливости (Lipponen, Olkkonen, Muugu, 2004). Возможно, именно поэтому в рамках психологического подхода пока отсутствует теория, в которой желание сохранить группу рассматривается как причина соблюдения дистрибутивной справедливости.

Справедливость ради справедливости: теории морального развития

Четвертое и последнее представление о целях соблюдения справедливости берет свое начало в работах по социальной философии, созданных древнегреческими авторами. Они полагали, что справедливость – основной принцип мироздания, лежащий в основе идеальных государственных систем. Земное воплощение этого принципа становится возможным благодаря как внешним по отношению к человеку, так и внутренним силам. Внешняя справедливость воплощается в законе и носит принудительный характер. Внутренняя справедливость проявляется в поступках граждан, которые они совершили добровольно и сознательно, т. е. понимая, почему, зачем и для кого они это делают. Таким образом, еще в философии древнего мира справедливость стала рассматриваться как добродетель человека.

Продолжая эту традицию, психологи включили справедливость в состав морального сознания. Сторонники этой позиции полагают, что справедливость и несправедливость можно рассматривать в терминах «добра» и «зла». Следуя ее требованиям, люди стремятся поступить «хорошо», «правильно». Таким образом, они соблюдают справедливость ради нее самой.

Впервые эта идея была изложена в теории морального развития Колберга (Анцыферова, 1999). Он полагал, что ядро морального сознания составляют одиннадцать ценностей, важное место среди которых занимает доверие и справедливость в обмене, а также справедливость наказания. Их функция заключается в распределении прав и обязанностей, регулируемом нормами равенства и взаимно-

сти (беспристрастности). Нормы справедливости являются основой для разрешения моральных конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов разных людей. Уровень морального развития определяется стилем отношения к этим ценностям, в том числе к справедливости и, как следствие, к соблюдению ее норм.

Колберг полагал, что основные ценности и моральные нормы вырабатываются в ходе общения. Поскольку все культуры имеют общие основы социального взаимодействия, процесс морального развития во всех обществах подчиняется общим закономерностям. Поясняя свою мысль, он выделил три уровня и шесть стадий этого процесса.

- 1 Человек, находящийся на доконвенциональном уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько тот удовлетворяет его собственные потребности. Этот уровень включает в себя две стадии. Первая характеризуется ориентацией на наказание и послушание: основным двигателем поведения человека является страх перед наказанием. В то же время вторая стадия предполагает соблюдение баланса между наказанием и вознаграждением.
- 2 Человек, находящийся на конвенциональном уровне морального развития, понимает необходимость выполнения ряда правил для сохранения целостности общества. На третьей стадии он руководствуется требованиями малой группы – семьи, друзей, коллег, а на четвертой – нормами общества, в котором он живет.
- 3 Постконвенциональный уровень – самый высокий уровень морального развития. Человек, который находится на нем, руководствуется безличными моральными стандартами. На пятой стадии он понимает относительность и договорной характер моральных норм и придает большое значение соблюдению индивидуальных прав. Поэтому для него большое значение приобретает справедливость правил, в соответствии с которыми принимается то или иное решение. Человек на самой высокой – шестой стадии – самостоятельно выбирает нормативную систему и следует ей.

На первый взгляд, роль справедливости на первом уровне морального развития соответствует теориям беспристрастности и личного интереса, на втором – теории ценности группы. И только третий этап специфичен для модели Л. Колберга. Однако тот факт, что речь идет о моральном развитии, накладывает отпечаток на все уровни:

вне зависимости от того, почему люди выполняют нормы справедливости, они рассматривают их соблюдение как правильное и необходимое, а совершенный поступок как добро или зло.

Идея о связи справедливости с моральным сознанием получила дальнейшее развитие в теориях моральных схем Дж. Реста и защиты ценностей Л. Скитки. Несмотря на единый теоретический источник, выводы, сделанные авторами этих концепций, оказались совершенно разными.

Дело в том, что **теория моральных схем** создавалась в противовес модели Колберга. Понятие «моральной схемы» было введено Дж. Рестом, который понимал под ней совокупность представлений о том, ради чего необходимо соблюдать социальные нормы. Он выделил три таких схемы: схему личного интереса, которая соответствует второй и третьей стадиям по Колбергу; схему усвоения норм, соответствующую четвертой стадии; постконвенциональную схему, соответствующую пятой и шестой стадиям (Rest et al., 2000). Несмотря на некоторое сходство, по структуре схема сильно отличается от уровня.

Уровень морального развития рассматривается как совокупность когнитивных операций, содержание которых универсально, т. е. не зависит от культуры. Эти операции сменяют друг друга в заранее заданном порядке. Моральное развитие заключается в резкой смене стадии или уровня.

В то же время когнитивная схема – это совокупность представлений, имеющих культурную специфику. Моральное развитие может происходить в разных направлениях и заключается в постепенном изменении частоты использования разных схем. Это означает, что человек может использовать несколько моральных схем одновременно (Krebs, Denton, 2006).

В соответствии с логикой Реста, состояние морального развития определяется по трем параметрам: схеме, фазе и направлению. Так, у человека, как правило, есть ведущая схема, на основании которой он разрешает большинство моральных дилемм. При этом он может находиться в фазах консолидации, т. е. постоянно использовать одну и ту же схему, или перехода, т. е. использовать разные. В целом моральное развитие может идти по пути выбора более или менее сложной схемы, т. е. вперед или назад (Derryberry, Thoma, 2005).

Изменение представления о моральном развитии не могло не отразиться на понимании справедливости. В отличие от Колберга, который считал ее ключевым элементом морального сознания, Рест и его последователи лишь констатировали ее связь с моральными

схемами. Они показали, что люди, использующие схему личного интереса, придают большое значение дистрибутивной справедливости, а схему усвоения норм и постконвенциональную схему – процедурному компоненту. Это в первую очередь касается норм, связанных с соблюдением прав всех участников – нейтрализации предубеждений, однообразия процедуры, уважения к партнеру (Муугу, Helkama, 2002; Wendorf, Alexander, Firestone, 2002).

Другой вариант связи между оценкой справедливости и моральным сознанием был предложен в **теории защиты ценностей** Л. Скитки (Bauman, Skitka, 2009; Mullen, Skitka, 2006; Skitka, 2002, 2003; Skitka, Mullen, 2002). Ее сторонники полагают, что каждый человек обладает определенными ценностями, которые воплощаются в ряде аттитюдов. Например, ценность сохранения жизни тесно связана с социальными установками, направленными против войны, абортов, смертной казни и любых других форм «установленного убийства». Теоретически каждой ценности соответствуют сразу несколько аттитюдов, однако человек уделяет большее внимание одним, игнорируя другие. Например, являясь пацифистом, он может не задумываться о запрете абортов. Такие важные аттитюды получили название «моральных требований».

Соблюдение ценностей и соответствующих им аттитюдов, прежде всего моральных требований, оказывает влияние на оценку справедливости взаимодействия, которая происходит в два этапа.

Первый этап начинается незадолго до начала или в самом начале взаимодействия и заканчивается перед получением окончательного результата. В ходе него люди выносят первые суждения о справедливости общения, ориентируясь на процедуру или свои ожидания.

Второй этап начинается после окончания взаимодействия, когда его результат уже известен. Если он соответствует моральным требованиям, общение считается справедливым, в противоположном случае – нет.

Например, если человек выступает против смертной казни, оценивая справедливость судебного процесса над убийцей, он будет отталкиваться от своего отношения к правовой системе в целом и событий, происходящих в зале суда. Однако после вынесения приговора его оценка может кардинально измениться: если подсудимый был приговорен к смертной казни, человек даст низкую оценку справедливости судебного процесса, вне зависимости от того, как именно он проходил. В то же время, если казнь будет заменена пожизненным заключением, он даст высокую оценку справедли-

вости, даже если судебный процесс шел с нарушением соответствующих норм.

Это означает, что получая результат, соответствующий моральным требованиям, люди оправдывают применение несправедливой процедуры. Чем сильнее моральное требование, тем меньше внимания человек уделяет справедливости процедуры и тем больше – соответствуя результата важным для него ценностям; тем менее справедливым он считает взаимодействие, результат которого противоречит ценностям.

Оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на самовосприятие человека. Это происходит, поскольку, вступая в общение, он стремится сохранить позитивное и непротиворечивое представление о себе. Благодаря тому, что соблюдение ценностей и соответствующих им моральных требований является важным аспектом личной идентичности, нарушая их, человек разрушает это представление.

Желая сохранить его, люди защищают свои убеждения даже, когда им приходится преодолевать серьезное сопротивление окружающих, подвергать риску свое материальное и социальное положение. Поскольку в данном случае речь идет о личной идентичности, выраженность этой тенденции не зависит от внешнего давления или интересов участников.

Если своими действиями человек все-таки нарушил моральные требования, у него возникает когнитивный диссонанс, вызывающий отрицательные эмоции. Пытаясь восстановить равновесие, человек использует стратегии «очернения» и «очищения». Сначала он обвиняет себя, испытывает чувство вины («очернение»), после чего переоценивает ситуацию и ведет себя таким образом, чтобы продемонстрировать свою позитивность («очищение»). Чем сильнее моральное требование, тем интенсивнее он использует эти стратегии.

Кроме представления о себе, оценка справедливости взаимодействия определяет отношение человека к другим людям. Так, нарушение моральных требований, произошедшее по вине окружающих, порождает гнев, протест против действий виновника и стремление наказать его, даже если для этого придется пожертвовать собственными интересами. Эта тенденция проявляется как у жертв, так и у сторонних наблюдателей.

Однако подобное стремление порождает серьезное противоречие. С одной стороны, человек желает наказать виновника, но, с другой, не хочет нарушать одно из самых сильных моральных требований,

связанных с ненанесением вреда. Это противоречие люди разрешают достаточно оригинальным образом: принимая решение о наказании виновника, они руководствуются соображениями воздаяния по заслугам, а об отмене наказания – идеей ненанесения вреда.

Таким образом, анализ различных психологических моделей справедливости демонстрирует двойственное восприятие этого параметра взаимодействия в науке. С одной стороны, психологи рассматривают справедливость как средство удовлетворения различных потребностей (в предсказуемости и контроле, получении личного вознаграждения и принадлежности к группе). В рамках этого подхода справедливость воспринимается как инструмент достижения человеком своих целей.

В то же время сторонники другого подхода делают акцент на ее роли в моральном сознании, безоговорочной необходимости ее исполнения, зависимости от представления о «дobre» и «зле». В этом случае обыденное понимание справедливости не сводится к совокупности заранее определенных норм; подчеркивается ее тесная связь с другими ценностями и аттитюдами участников взаимодействия. Это позволяет выйти за рамки утилитарного подхода к справедливости, подчеркивает необходимость изучения места этого понятия в когнитивной системе человека.

Литература

- Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20, №3. С. 5–17.
- Макдональд А. И. Кросс-культурные сходства и различия в представлениях студентов о дистрибутивной и ретрибутивной справедливости (на примере России, Мексики и Ямайки): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2011.
- Adams J. S., Freedman S. Equity theory revisited // Advances in Experimental Social Psychology. 1976. V. 9. P. 43–56.
- Bal M., Van Den Bos K. The role of perpetrator similarity in reactions toward innocent victims // European Journal of Social Psychology. 2010. V. 40. P. 957–969.
- Bauer T. N., Maertz C. P., Dolen M. R., Campion M. A. Longitudinal assessment of applicant reactions to employment testing and test outcome feedback // Journal of Applied Psychology. 1998. V. 83. P. 892–903.

- Bauman C. W., Skitka L. J. Moral disagreement and procedural justice: moral mandates as constraints to voice effects // Australian Journal of Psychology. 2009. V. 61. P. 40–49.
- Bies R. J. The predicament of injustice: the management of moral outrage // Research in organizational behavior. 1987. V. 9. P. 289–319.
- Calhoun L. G., Cann A., Tedeschi R. G., McMillan J. Traumatic events and generational differences in assumptions about a just world // The Journal of Social Psychology. 1998. V. 138. P. 789–791.
- Callan M. J., Ellard J. H., Nicol J. E. The belief in a just world and imminent justice reasoning in adults // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. V. 32. P. 1646–1658.
- Cialdini R. B., Kenrick D. T., Hoering J. H. Victim derogation in the Lerner paradigm: just world or just justification? // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. V. 33. P. 719–724.
- Colquitt J. A. On the dimensionality of organizational justice: a construct validation of a measure // Journal of Applied Psychology. 2001. V. 86. P. 386–400.
- Colquitt J. A., Conlon D. E., Wesson M. J., Porter C. O. L. H., Ng K. Y. Justice at the Millennium: a meta-analytic review of 25 years of organizational justice research // Journal of Applied Psychology. 2001. V. 86. P. 425–445.
- Connors J., Heaven P. C. L. Authoritarianism and just world beliefs // Journal of Social Psychology. 1987. V. 127. P. 345–346.
- Dalbert C., Filke E. Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners // Criminal Justice and Behavior. 2007. V. 34. P. 1516–1527.
- Derryberry W. P., Thoma S. J. Functional differences: comparing moral judgement developmental phases of consolidation and transition // Journal of Moral Education. 2005. V. 34. P. 89–106.
- Furnham A. Just world beliefs in twelve societies // The Journal of Social Psychology. 1993. V. 133. P. 317–329.
- Glennon F., Joseph S., Hunter J. A. Just world beliefs in unjust societies: Northern Ireland // The Journal of Social Psychology. 1993. V. 133. P. 591–592.
- Greenberg J. Reactions to procedural injustice in payment distributions: do the means justify the ends? // Journal of Applied Psychology. 1987. V. 72. P. 55–61.
- Hafer C. L. Investment in long-term goals and commitment to just means drive the need to believe in a just world // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. V. 26. P. 1059–1073.

- Hertel G., Aarts H., Zeelenberg M. What do you think is “fair”? Effects of ingroup norms and outcome control of fairness judgement // European Journal of Social Psychology. 2002. V. 32. P. 327–341.
- Heuer L., Penrod S., Hafer C. L., Cohn D. The role of resource and relational concerns for procedural justice // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. V. 28. P. 1468–1482.
- Krebs D. L., Denton K. Explanatory limitations of cognitive-developmental approaches to morality // Psychological Review. 2006. V. 113. P. 672–675.
- Leventhal G. S. The distribution of rewards and resources in groups and organizations // Advances in Experimental Social Psychology. 1976. V. 9. P. 43–56.
- Lind E. A., Tyler T. R. The social psychology of procedural justice. N. Y.: Springer, 1988.
- Lind E. A., Tyler T. R., Huo Y. J. Procedural context and culture: variation in the antecedents of procedural justice judgments // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. P. 767–780.
- Lipponen J., Olkkonen M.-E., Myyry L. Personal value orientation as a moderator in the relationships between perceived organizational justice and its hypothesized consequences // Social Justice Research. 2004. V. 17. P. 275–292.
- Lowe C., Medway C. A. Effects of valence, severity and relevance on responsibility and dispositional attributions // Journal of Personality. 1976. V. 44. P. 518–538.
- Lucas T., Alexander S., Firestone I., Lebreton J. M. Just world beliefs, perceived stress, and health behavior: the impact of a procedurally just world // Psychology and Health. 2008. V. 23. P. 849–865.
- Lucas T., Goold S. The malleability of belief in a just world: evidence from a health resource allocation exercise // Psychological Journal. 2008. V. 5. P. 92–104.
- Maes J., Kals E. Justice beliefs in school: distinguishing ultimate and immanent justice // Social Justice Research. 2002. V. 15. P. 227–244.
- McFarlin D. B., Sweeney P. D. Does having a say matter only if you get your way? Instrumental and value-expressive effects of employee voice // Basic and Applied Social Psychology. 1996. V. 18. P. 289–303.
- Miller M. L. Process and decision control in the work place: separate effects, independence from distributive justice, and tests of explanatory mechanisms // Basic and Applied Social Psychology. 1989. V. 10. P. 337–354.

- Mullen E., Skitka L. J.* Exploring the psychological underpinnings of the moral mandate effect: motivated reasoning, group differentiation, or anger? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 90. P. 629–643.
- Murphy-Berman V. A., Berman J. J.* Perceptions of justice and attitudes towards people with AIDS: German-U. S. comparisons // *Social Behavior and Personality*. 1991. V. 79. P. 29–38.
- Myyry L., Helkama K.* Moral reasoning and the use of procedural justice rules in hypothetical and real-life dilemmas // *Social Justice Research*. 2002. V. 15. P. 373–391.
- Park C. L., Edmondson D., Fenster J. R., Blank T. O.* Meaning making and psychological adjustment following cancer: the mediating roles of growth, life meaning, and restored just-world beliefs // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2008. V. 76. P. 863–875.
- Peterson R. S.* Can you have too much of a good thing? The limits of voice for improving satisfaction with leaders // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. P. 313–324.
- Ployhart R. E., Ryan A. M.* Applicants' reactions to the fairness of selection procedures: the effects of positive rule violations and time of measurement // *Journal of Applied Psychology*. 1998. V. 83. P. 3–16.
- Rest J. R., Narvaez D., Thoma S. J., Bebeau M. J.* A Neo-Kohlbergian approach to morality research // *Journal of Moral Education*. 2000. V. 29. P. 381–395.
- Shapiro D. L., Brett J. M.* Comparing three processes underlying judgments of procedural justice: a field study of mediation and arbitration // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. P. 1167–1177.
- Skitka L. J.* Do the means always justify the ends, or do the ends sometimes justify the means? A value protection model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 588–597.
- Skitka L. J.* Of different minds: an accessible identity model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. V. 7. P. 286–297.
- Skitka L. J., Mullen E.* Understanding judgments of fairness in a real-world political context: a test of the value protection model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 1419–1429.
- Stahl T., Van Prooijen J.-W., Vermunt R.* On the psychology of procedural justice, reactions to procedures of ingroup vs. outgroup authorities // *European Journal of Social Psychology*. 2004. V. 34. P. 173–189.

- Sutton R. M., Winnard E. J.* Looking ahead through lenses of justice: the relevance of just-world beliefs to intentions and confidence in the future // *British Journal of Social Psychology*. 2007. V. 46. P. 649–666.
- Thibaut O., Walker L.* *Procedural justice: A psychological analysis*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1975.
- Tomaka J., Blascovich J.* Effects of justice beliefs on cognitive appraisal of and subjective, physiological, and behavioral responses to potential stress // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. V. 67. P. 732–740.
- Tyler T., Degoeij P., Smith H.* Understanding why the justice of group procedures matters: a test of the psychological dynamics of the group-value model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. V. 70. P. 913–930.
- Van Beest I., Van Dijk E.* Self-interest and fairness in coalition formation: a social utility approach to understanding partner selection and payoff allocations in groups // *European Review of Social Psychology*. 2007. V. 18. P. 132–174.
- Van den Bos K., Vermunt R., Wilke H. A. M.* The consistency rule and the voice effect: the influence of expectations on procedural fairness judgments and performance // *European Journal of Social Psychology*. 1996. V. 26. P. 411–428.
- Van Zomeren M., Lodewijkx H. F. M.* “Could this happen to me?”: threat-related state orientation increases position identification with victims of random, “senseless” violence // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 223–236.
- Walster E., Berscheid E., Walster G. W.* New directions in equity research // *Advances in Experimental Social*. 1976. V. 9. P. 1–42.
- Wendorf C. A., Alexander S., Firestone J. J.* Social justice and moral reasoning: an empirical integration of two paradigms in psychological research // *Social Justice Research*. 2002. V. 15. P. 19–39.